

<https://doi.org/10.30853/filnauki.2019.3.39>

Бурдун Светлана Владимировна

**ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИИ ПОНЯТИЯ "ЧУЖОЙ" В РУССКОЙ ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЕ МИРА: ДИНАМИКА И СТАТИКА**

В статье рассматривается понятийная основа концепта "чужой" в исторических, этимологических и толковых словарях русского языка. Цель работы - проанализировать, как меняется представление носителей русского языка о "чужом" с XV в. по XXI в. На материалах словаря И. И. Срезневского, "Словаря живого великорусского языка" В. И. Даля, "Словообразовательного словаря русского языка" А. Н. Тихонова и толковых словарей XX-XXI вв. автор рассматривает процесс сужения семантики анализируемого слова и отражение этого процесса в русской языковой картине мира. Полученные результаты показали, что многие лексические единицы с корнем -чуж-, активно употреблявшиеся носителями русского языка в XV-XVIII вв., в наше время потеряли свою актуальность.

Адрес статьи: [www.gramota.net/materials/2/2019/3/39.html](http://www.gramota.net/materials/2/2019/3/39.html)

Источник

**Филологические науки. Вопросы теории и практики**

Тамбов: Грамота, 2019. Том 12. Выпуск 3. С. 193-197. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: [www.gramota.net/editions/2.html](http://www.gramota.net/editions/2.html)

Содержание данного номера журнала: [www.gramota.net/materials/2/2019/3/](http://www.gramota.net/materials/2/2019/3/)

**© Издательство "Грамота"**

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: [www.gramota.net](http://www.gramota.net)

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: [phil@gramota.net](mailto:phil@gramota.net)

7. Кожурин А. Я. А. И. Герцен и русская традиция философии науки // Философия права. 2013. № 6 (61). С. 33-40.
8. Лебедева В. А. Образ театра в художественных мемуарах А. И. Герцена // Вестник Череповецкого государственного университета. 2010. № 3. С. 42-46.
9. Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. URL: <http://ruscorpora.ru/> (дата обращения: 11.05.2018).
10. Николина Н. А. Типы и функции новообразований в прозе А. И. Герцена // Русский язык в школе. 2005. № 1. С. 72-77.
11. Розенталь Д. Э. Справочник по орфографии и пунктуации. Челябинск: Южно-Уральское книжное изд-во, 1994. 368 с.
12. Ситникова Е. В. Опыт изучения средствами контент-анализа речи, произнесенной А. И. Герценом при открытии Вятской публичной библиотеки 6 декабря 1837 г. // Вестник Вятского государственного университета. 2015. № 1. С. 71-75.
13. Федотова А. А. А. И. Герцен и русская публицистика 1860-х годов // Вестник Костромского государственного университета. 2017. № 1 (23). С. 115-120.
14. Чернышева А. Ю. Лингвокультурологический анализ автобиографического произведения А. И. Герцена «Былое и думы» // Филология и культура. Philology and Culture. 2016. № 3 (45). С. 50-54.
15. Шимов Я. Владимир Наполеонович [Электронный ресурс] // Русский журнал. 2000. 9 июня. URL: [http://old.russ.ru/politics/articles/20000609\\_chimov.html](http://old.russ.ru/politics/articles/20000609_chimov.html) (дата обращения: 14.05.2018).
16. Ширина Е. В. Текстологический анализ публицистического наследия А. И. Герцена: историко-филологический аспект исследования // Вестник Воронежского государственного университета. Серия «Филология. Журналистика». 2011. № 1. С. 219-225.
17. Kliger I. Genre and Actuality in Belinskii, Herzen, and Goncharov: Toward a Genealogy of the Tragic Pattern in Russian Realism // Slavic Review. 2011. Vol. 70. № 1. P. 45-66.

**DERIVATIVE SUBSTANTIVES ENDING IN *-ец* WITH THE MEANING OF A PERSON  
IN A. I. HERZEN'S WORK "MY PAST AND THOUGHTS": STRUCTURE, SEMANTICS, FUNCTIONING**

**Altai Beiza**

*Kazan (Volga Region) Federal University  
komohti\_paci@hotmail.com*

The article discusses the structure and functioning of nouns with the suffix *-ец* in A. I. Herzen's work "My Past and Thoughts". The analysis of the semantics and contextual peculiarities of the functioning of nouns ending in *-ец* is conducted on the basis of the Russian National Corpus. It has been ascertained that ethnonyms, denonyms and names of persons belonging to socio-political or religious groups are the most frequent among them. At the same time, A. I. Herzen uses both words and occasionalisms new to his time and obsolete words from the point of view of the modern usage. The cases of metaphorical use are also recorded.

*Key words and phrases:* A. I. Herzen; "My Past and Thoughts"; suffixal nouns; structure; semantics; usage; functioning.

УДК 81.371

Дата поступления рукописи: 21.01.2019

<https://doi.org/10.30853/filnauki.2019.3.39>

*В статье рассматривается понятийная основа концепта «чужой» в исторических, этимологических и толковых словарях русского языка. Цель работы – проанализировать, как меняется представление носителей русского языка о «чужом» с XV в. по XXI в. На материалах словаря И. И. Срезневского, «Словаря живого великорусского языка» В. И. Даля, «Словообразовательного словаря русского языка» А. Н. Тихонова и толковых словарей XX-XXI вв. автор рассматривает процесс сужения семантики анализируемого слова и отражение этого процесса в русской языковой картине мира. Полученные результаты показали, что многие лексические единицы с корнем *-чуж-*, активно употреблявшиеся носителями русского языка в XV-XVIII вв., в наше время потеряли свою актуальность.*

*Ключевые слова и фразы:* лексема; концепт; русская языковая картина мира; лексикографические источники; лексико-семантический вариант; словообразовательное гнездо; производные.

**Бурдун Светлана Владимировна**

*Краснодарское высшее военное авиационное училище лётчиков имени А. К. Серова  
010670@bk.ru*

**ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИИ ПОНЯТИЯ «ЧУЖОЙ»  
В РУССКОЙ ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЕ МИРА: ДИНАМИКА И СТАТИКА**

Древнее базисное лингвокультурное противопоставление «свои – чужие», являясь «одним из главных концептов всякого коллективного, массового, народного, национального мироощущения» [11, с. 126] и соотносится с такими «опозициями, как хороший – плохой, праведный – греховный, чистый – нечистый, живой – мёртвый, человеческий – нечеловеческий, внутренний – внешний» [6, с. 581], помогает человеку моделировать представление об окружающем мире и делить социальное пространство на «своё», знакомое, дискретное, уникальное и «чужое» – «мир неподвижный, статичный, плоский» [5, с. 55].

Ю. С. Степанов отмечает, что, «как и в других европейских и индоевропейских культурах, концепт “Чужой” и соответствующее слово в русском языке относятся к “не своему”, “постороннему”, “далёкому” в сфере народа, обычая или нрава» [11, с. 139]. В. В. Колесов, исследуя древнерусскую литературу, констатирует,

что «свой всегда противопоставлен чужому, и эта противоположность в человеческом коллективе является древнейшей» [4, с. 63]. Данной универсальной ценностью и значимостью концепта «чужой» для культуры и обусловлена **актуальность** его изучения. Поскольку концепты меняют своё содержание вместе со временем, **цель** данной статьи – проследить, как изменилась семантика основного вербального экспликатора концепта – лексемы «чужой» за последние 5-6 веков. Для этого были решены следующие **задачи**: 1) рассмотрена этимология исследуемой единицы; 2) проведён сопоставительный анализ лексико-семантических вариантов слова, представленных в исторических и толковых словарях русского языка; 3) проанализировано деривационное гнездо лексемы «чужой» с точки зрения его словообразовательной актуальности. Научная **новизна** исследования заключается в том, что автор проводит сопоставительный анализ словарных представлений лексемы, используя разнообразные лексикографические источники.

Большинство лингвистов связывают этимологию слова «чужой» с праславянским «*tjudjъ*», которое в свою очередь заимствовано из готского языка («*riuda*» – «народ»). Готы называли себя «*riuda*», что на славянской почве передано как «пришлый народ» [13, с. 379]. Другая версия происхождения слова (по Брандту), не поддержанная большинством учёных, говорит об исконно славянском корне данной лексемы и отсылает к словам «там», «оттуда» с первоначальным значением «тамошний» [Там же]. Фасмер к числу форм, сближаемых с «чужой», также относит хеттское «*tuzzi*» – «войско» [Там же]. По словам В. В. Колесова, «выстраивается такой понятийный ряд: чуждый народ, чужое войско, чужеземцы» [4, с. 63]. Если «свой» был близким и понятным конкретным лицом, то «чужое» в представлении древних людей – «масса, толпа, нелюди, некое чудовище, чудо» [Там же]. Ю. С. Степанов, говоря об особенности русского слова, вербализирующего концепт «Чужой», отмечал его несомненную связь со словом, представляющим концепт «Чудо». Всё странное, непонятное, необъяснимое в наивной картине мира русских людей представлялось чужим. По мере освоения мира, знакомства с другими народами и их культурами «чужое» становится менее пугающим, и происходит раздвоение «прежде единого корня на две формы: одна воплотилась в разговорном слове “чужой”, другая – в книжном “чуждый”» [4, с. 63]. Анализируя древнерусский перевод «Пчелы», В. В. Колесов делает вывод о том, что «русская форма “чужой” выражает обычно имущественные отношения, тогда как высокое книжное слово “чуждый” передаёт отвлечённый смысл чуждого, непонятного и потому неприемлемого» [Там же, с. 64]. При этом «абсолютного семантического размежевания между этими словами нет до сих пор» [1, с. 302].

Чтобы подробнее рассмотреть понятийную основу концепта «Чужой» и выявить специфику представления о «чужом» носителей русского языка в XI-XVIII вв., обратимся к труду И. И. Срезневского «Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам» и к «Словарю живого великорусского языка» В. И. Даля.

В словаре И. И. Срезневского содержится пять лексико-семантических вариантов (ЛСВ) слова «чужой»: 1) *принадлежащий другому*; 2) *чужеземный*; 3) *чуждый*; 4) *лишённый*; 5) *злодей, нечестивец* [10, с. 1550]. Первое значение реализует в основном имущественные отношения (*чужие пределы, чужой раб, чужой товар*), второе значение, эксплицируя сему «пространство», позволяет определить «не свою» территорию, не случайно в иллюстративной части словарной статьи показаны пять употреблений словосочетания «чужая земля» (*Богат муж везде знаем есть и в чужой земле друзей имеет. / Да не будет же вам неколи же словеси... о чужих землях. / А который чужей земец на чужей земле имеет искать бою и грабежу* [Там же]). В третьем значении, являясь синонимом слову «чуждый», лексема «чужой» маркирует границы того, что неприемлемо вообще (*усобная брани чужа ны створита* [Там же]). В четвёртом ЛСВ (*Воевода воеводства чюжь, или воин воинства чюжь* [Там же]) в роли предиката лексема «чужой» характеризует лицо отлучённое, изгнанное. В пятом (*Чужий Фока... жену Маврикиеву с дочерьми его убил*) слово «чужой/чужий» имеет крайне пейоративную оценку. Как отмечает Л. В. Балашова, в XI-XV вв. лексема «чужой» устойчиво «ассоциируется с ярким воплощением этих качеств – дьяволом» [1, с. 197]. Поскольку иллюстративным материалом словаря являются цитаты из древнерусских источников XV в., тематика данных контекстов высокой речи в основном военно-политическая или духовно-религиозная. По мнению Л. В. Балашовой, в XI-XV вв. «в общей социальной модели принципиально значимым становится именно противопоставление членов единого по какому-либо социальному признаку коллектива всем остальным людям», вследствие чего лексемы «свой – чужой» «регулярно характеризуют близость или антагонизм людей в религиозно-идеологической, духовной сфере» [Там же, с. 195].

В словаре Даля используется недискретная подача значений лексемы «чужой», тем не менее их можно разделить на шесть ЛСВ: 1) *не свой, сторонний, собь другого*; 2) *незнаемый, незнакомый*; 3) *не родня, не нашей семьи, не из нашего дома*; 4) *не нашей земли, иноземный*. Ещё два значения приводятся отдельно: 5) *чему чуждаются или дивятся, странный, непонятный, удивительный*; 6) *чужий, чуждый чего, чему, далёкий, непричастный, сторонний* [3, с. 360].

Даль противопоставляет «свое» социальное пространство «родня – семья – дом» чужому, чего нет в словаре Срезневского. Отлучённый от своего пространства или незнакомый человек тоже воспринимается как чужой. Не представлено в труде Срезневского и значение «чему чуждаются или дивятся, странный, непонятный, удивительный».

Следует отметить, что в словаре В. И. Даля содержится богатый иллюстративный материал, состоящий из народных речений, пословиц, поговорок, что позволяет увидеть отношение к «чужому» в народнопоэтической картине мира.

В приведённых В. И. Далем контекстах эксплицируются коннотативные смыслы, дополняющие значение лексемы разными оттенками отношения к «чужому».

**Бесполезность** чужого (18): *Чужой хлеб рот дерёт. Чужой кус в рот нейдёт. Чужой хлеб в горле петухом поёт. Чужим добром не разжиться. Чужая пожива – не разжива. Чужим хлебом, да чужим умом*

недолго проживешь. Чужим богатством не разживёшься. Чужим умом в люди не выйдешь. Чужим умом до порога жить. Чужой сын – не детище. Чужой разум – не разум. Чужая беда не учит. На чужую беду глядя, не казнятся. Чужие немощи не исцелят. Чужой человек не на утеху, на просмех. Чужой обед сладок, да не спор. Чужие хлебы приедчивы. Чужие деньги свои поедают. Равнодушие к чужому горю, беде или болезни (9): Чужая болячка в боку не сидит. Чужое горе не болит. Чужое горе вполгоря горевать. Чужую беду на бобах разведу, а своей ума не дам. Что мне до чужих? Да пропадай хоть и свои. Чужое горе – велик желвак, чужая болячка – почесушка. С чужого похмелья голова не болит. Чужая свинья, да в чужом огороде – волк её режь и с хозяином! Не смейся чужой беде – своя нагряде. Доброму человеку и чужая болезнь к сердцу. В последнем примере подчёркивается, что равнодушным к чужой беде может быть только добрый человек, и такое равнодушное отношение не является нормой. Неприкосновенность чужого (8): Чужое добро страхом огорожено. За своё постою, а чужого не возьму. Чужого не тронь, да и своего плохо не клади. Чужого не бери, своего не давай. От чужого обеда не стыдно голодному встать. Чужое взять – своё потерять. По чужую голову идти – свою нести. Чужой век заживать. Опасность чужого места (5): В чужом месте, что в лесу. Чужая сторона – дремуч бор. Чужая сторона – вор. Горе в чужой земле безъязыкому. На чужой стороне и сокола вороной назовут. Соблазнительность чужого, зависть к чужому (4): Чужой талан скоро растёт, а наш не лезет, не ползет. Чужая изба засидчива. На чужой лавке мягче сидится. В чужом доме побывать – в своём зное бревно увидать. Использование других в своих целях (3): Чужими руками бить кого-то. Отдуваться чужими боками. Жить на чужой счёт. На чужой карман тороваты. Нарушение неприкосновенности чужого (1): В чужой дом незачем зашёл, чужую вещь невзначай унес. Осуждение пороков, обладание которыми делает человека чужим для окружающих (1): Баба пьяна – вся чужа! [3].

Так в иллюстративном материале, представленном в словаре В. И. Даля, выявляются в основном пейоративно окрашенные коннотации лексемы «чужой». Понятие «чужой» ассоциируется с бесполезностью, порочностью обладания чужим. Чужое горе не волнует, чужие деньги не приносят счастья, и если человек обладает пороком, то становится чужим. При этом мелиоративно окрашенные коннотации рассматриваемой единицы тоже встречаются: Чужая сторона прибавит ума. «Чужое» в редких случаях может приносить пользу. Видимо, можно считать, что словарь В. И. Даля, появившийся в 1866 году, отразил значения слова «чужой», ориентированные «на мировоззренческую и морально-нравственную сферы (вне чисто христианско-религиозной составляющей), а также на эмоционально-межличностную, интеллектуальную сферы» [1, с. 251].

Обратимся к словарям XX века и сравним современные толкования лексемы «чужой» с представленными в исторических словарях. Были проанализированы лексико-семантические варианты слова «чужой» в следующих лексикографических источниках: «Словарь современного русского литературного языка» в 17-ти томах под редакцией В. И. Чернышева (1965) – БАС [8, с. 1189-1193], «Словарь русского языка» в четырёх томах под редакцией А. П. Евгеньевой (1985) – МАС [7, с. 693], «Современный толковый словарь русского языка» под редакцией Т. Ф. Ефремовой (2006) – СТСЕ [9, с. 846].

Все представленные в словарях значения лексемы можно скомпоновать в четыре блока: 1) лексико-семантические варианты, обозначающие зону личного владения другого человека, причём появились оттенки значения, репрезентирующие сферу материальной, интеллектуальной и эмоциональной деятельности: *произведённый, сделанный кем-либо другим (МАС); испытываемый кем-либо другим (БАС); непривычный, незнакомый (БАС, МАС)*; 2) лексико-семантические варианты, позволяющие классифицировать окружающую действительность в сфере генетически-социальных (*не родня*) и пространственных отношений (*не своей страны*); 3) лексико-семантические варианты, определяющие «чужого» в межличностных отношениях в зависимости от степени близости, знакомства с ним; 4) лексико-семантические варианты, определяющие степень духовной отдалённости, отчуждённости, неприемлемости кого- или чего-либо.

В словаре древнерусского языка Срезневского было зафиксировано значение «*лишённый*», то есть «*изгнанный*», которое использовалось в прямом своём воплощении: «*Воевода воеводства чюжь или воин воинства чюжь*» [10, с. 251]. В СТСЕ (2006) значение «отчуждённый, отрешённый, чуждый» фиксируется как переносное. «Отчуждённый» значит «забытый», «лишний», внутренне отдалившийся до предела – «совсем чужой».

Таким образом, можно сделать вывод о том, что лексикографическое представление лексемы «чужой» стало более разработанным, дифференцированным, изученным, исследователями были условно обозначены зоны чужого материального, социального и духовного пространства. В то же время в более объёмных словарных статьях исчезли такие ЛСВ, как «чужой – странный, непонятный, удивительный» (Даль) и «чужой – лишённый», «чужой – злодей, нечестивец» (Срезневский). Крайне пейоративные коннотации анализируемого слова исчезли по мере освоения человеком мира и расширения знаний о нём. Чужое уже не пугает, не ужасает, а, скорее, вызывает интерес, влечёт своей необычностью. Новых уникальных толкований в современных словарях не появилось, что говорит о сужении семантики слова в нашем представлении о «чужом», в то же время концепт «Чужой» остаётся актуальным в современной действительности, особенно в сфере социальных межличностных отношений.

Рассмотрим далее словообразовательное гнездо данной единицы в Словообразовательном словаре русского языка под редакцией А. Н. Тихонова [12, с. 382], поскольку «словообразование обладает неисчерпаемыми возможностями для концептуальной интерпретации действительности... ибо уже сам выбор явления в качестве объекта словообразовательной детерминации свидетельствует о его значимости для носителей языка» [2, с. 34].

Лексема «чужой» представляет деривационное гнездо, включающее 43 производных первой, второй и пятой ступеней.

Анализ словарного гнезда с точки зрения его словообразовательной актуальности на разных ступенях деривации показал, что наибольшее количество производных находится на первой ступени (40), в то время

как на второй ступени – 8 производных, а на пятой – 2. По частеречному составу производные данного словообразовательного гнезда весьма разнообразны. В него входят производные существительные (20), прилагательные (12), наречия (3), глаголы (6), причастия (2). Самым многочисленным является субстантивный блок. Субстантивные производные представлены двумя группами: образованные суффиксальным способом (10) и путём осново- и словосложения (10), причём основа *-чуж-* является первым компонентом сложных слов. Данным способом могут образовываться как существительные (*чужеземец, чужеземка, чужеземность, чужеземщина, чужеплеменник, чужеродец, чужеродка, чужестранец, чужестранка*), так и прилагательные (*чужеземный, чужедальний, чужелюдный, чужемужский, чуженациональный, чужепланетный, чужеплемённый, чужеродный, чужестранный, чужеядный, чужезычный*). Входящие в гнездо существительные обозначают лица (*чужак, чужачок, чужачка, чужеземец, чужеземщина, чужестранец*), территорию (*чужбина, чужбинка, чужа*), власть (*чужевластие*), свойства (*чужеземность*), процесс изъятия собственности либо процесс духовного отдаления (*отчуждение*) и свойства по процессу (*отчуждаемость, отчуждённость*).

Наличие глагола «чужеть» на первой ступени деривации активизировало процесс словопроизводства, ибо глаголы имеют самые большие и разветвленные словообразовательные гнезда благодаря своим богатым (по сравнению с другими частями речи) синтаксическим возможностям. Так были мотивированы глаголы *отчуждить – отчуждать – отчуждаться*, производные от них причастия в роли прилагательных (*отчуждаемый, отчуждённый*), отвлечённые существительные с суффиксом *-ость-* (*отчуждаемость, отчуждённость*), существительное с суффиксом *-ение-* (*отчуждение*), наречие с суффиксом *-о-* (*отчуждённо*).

Адвербиальных производных всего три (*вчуже, исчужа, отчуждённо*), из которых в современной речи активно употребляется только наречие «отчуждённо».

Нетрудно заметить, что большая часть производных стилистически ограничена: 13 слов с пометой «устар.» (*чужа, чужевластие, чужеземец/чужеземка, чужеземность, чужеземщина, чужелюдный, чужеплеменник/чужеплеменница, чужеплеменный, чужеродец, чужеродка, чужезычный*), три с пометой «разг.» (*чужак, чужачка, чужеть*), два с пометой «прост.» (*чужачок, чужанин*), два с пометой «нар. поэт.» (*чужан, чужедальный*), одно с пометой «ботан.» (*чужеядный*), другое с пометой «мед.» (*чужеродный*). Практически все слова, мотивированные глаголом *отчуждать*, имеют терминологическое использование с пометой «юрид.». Многие из слов, не имеющих стилистических ограничений, являются малоупотребительными, а таких лексем, как *чуженациональный, чужепланетный*, вообще нет ни в одном из рассмотренных нами толковых словарей. Следовательно, можно говорить о том, что словообразовательное гнездо с вершиной «чужой» в наше время не развивается. Более того, слова, образовавшиеся ранее, используются сейчас ограниченно, многие образования (*отчуждать, отчуждение, отчуждаемый, отчуждаемость*) имеют в основном терминологическое употребление. Словообразовательное гнездо, представленное в словаре Даля, значительно богаче. Субстантивных производных форм 32 (*чужина, чужбина, чуженин, чужбенин, чужбинник, чужень, чужак, чужачка, чужданье, чужь, чужеверник, чужегляд, чужеглядка, чужедворок, чужедворка, чужеженец, чужеженка, чужемужатка, чужеземец, чужеземка, чужеземок, чужестранец, чужестранка, чужестранство, чужезмство, чужестранствие, чужеродец, чужеродка, чужеплеменник, чужеплеменница, чужеумок, чужеяд*). Это в основном номинации лиц по отсутствию родственных, социальных, духовных связей. Лицо, не принадлежащее к группе своих или нарушившее нормы поведения, получало далеко не толерантное название. Неслучайно большинство существительных, представленных в словообразовательном гнезде, показаны в сочетаниях, имеющих пейоративные коннотации и выражающих осуждение, презрение: *чужеверник (нехрист), чужегляд (тот, кто подсматривает), чужедворок (нахлебник), чужеженец (бабник), чужеродец (принявший фамилию жены), чужеумок (живущий не своим умом), чужеяд (бездельник, туняедец, дармоед)*.

Адъективных производных у Даля 12 (*чужеверный, чужевидный, чужевольный, чужеженский, чужемужский, чужестранный, чужеземный, чужеродный, чужеплеменный, чужесторонний, чужесветный, чужеядный*), большинство из которых не сохранилось в составе современного русского языка. Многие сложные существительные заменились лексемами с основой *-ино-* (*иноверец, иноверный, иноземец, иноземный, инопланетный, инопланетянин, иноплеменный, иноплеменник, инородец, инородный, иностранец, иностранский, иностранщина*).

Глагольных производных 8 (*чуждать/чуждять, чуждаться, чуждеть, чуждовать, чужбинничать, чужедворить, чужестранствовать, чужеумиться*), из которых только лексема «чужеть (чуждять)» представлена в словообразовательном словаре Тихонова, но при этом её нет во многих толковых словарях XX века.

Интересно, как в XVIII–XIX веках с помощью глаголов изображались разные процессы отчуждения: *чуждать – отдаляться, чуждеть – постепенно становиться чужим, чуждаться – избегать, чуждовать – быть чужим*, что говорит об актуальности данных понятий в то время.

Таким образом, можно сделать **вывод** о том, что словообразовательное гнездо слова «чужой», активно развивавшееся в XVIII–XIX веках, сейчас малопродуктивно и в основном содержит производные, употребление которых стилистически ограничено.

Обобщая вышесказанное, следует отметить, что, во-первых, в современных толковых словарях исчезли ЛСВ, представляющие «чужое» как нечто удивительное, незнакомое или «чужого» как «злодея, нечестивца», но появились переносные значения рассматриваемой лексемы, определяющие область духовного отчуждения. Во-вторых, анализ словообразовательного гнезда показал, что ранее активно употребляемые дериваты лексемы «чужой» в наше время практически не используются. Столь заметное сужение семантики лексемы, по-видимому, свидетельствует о снижении её значимости в коллективном сознании современных носителей языка: современный человек раздвинул границы своего пространства, он легко общается по Интернету с любой точкой мира, быстро перемещается из одного места в другое, многое знает о жителях

разных стран и континентов, он стал более толерантным не только к проявлению чего-то незнакомого, но даже к проявлению пороков и недостатков. Теперь «не свой» – это просто «отличающийся, иной», а не «враждебный, чужой». В то же время на духовном, ментальном, морально-этическом уровне человек всё ещё осознаёт себя частью своего коллектива, противопоставляя своё, близкое «чужому» и «чуждому».

*Список источников*

1. **Балашова Л. В.** Русская метафора: прошлое, настоящее, будущее. М.: Языки славянской культуры, 2014. 495 с.
2. **Вендина Т. И.** Славянские диалекты и проблема этноязыкового фонда славян // Актуальные этноязыковые и этнокультурные проблемы современности. Книга 1: коллективная монография / ред. Г. П. Нешименко. М.: Языки славянской культуры, 2014. С. 13-45.
3. **Даль В. И.** Толковый словарь живого великорусского языка: в 4-х т. М., 1866. Т. 4. 629 с.
4. **Колесов В. В.** Мир человека в слове Древней Руси. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1986. 312 с.
5. **Пеньковский А. Б.** О семантической категории «чуждости» в русском языке // Проблемы структурной лингвистики: 1985-1987. М.: Наука, 1989. С. 54-83.
6. **Славянские древности:** этнолингвистический словарь: в 5-ти т. / под ред. Н. И. Толстого. М.: Международные отношения, 1999. Т. 4. П (Переправа через воду) – С (Сито). 656 с.
7. **Словарь русского языка:** в 4-х т. / под ред. Л. П. Евгеньевой. М.: Русский язык, 1987. Т. 4. 800 с.
8. **Словарь современного русского литературного языка:** в 17-ти т. / под ред. В. И. Чернышева. М. – Л.: Изд-во Акад. наук СССР, 1965. Т. 17. 1225 с.
9. **Современный толковый словарь русского языка:** в 3-х т. / под ред. Т. Ф. Ефремовой. М.: АСТ; Астрель, 2006. Т. 3. 890 с.
10. **Срезневский И. И.** Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам: в 3-х т. СПб., 1912. Т. 3. 272 с.
11. **Степанов Ю. С.** Константы. Словарь русской культуры. Опыт исследования. М.: Языки русской культуры, 1997. 824 с.
12. **Тихонов А. Н.** Словообразовательный словарь русского языка: в 2-х т. М.: Русский язык, 1985. Т. 2. 886 с.
13. **Фасмер М.** Этимологический словарь русского языка: в 4-х т. М.: Прогресс, 1973. Т. 4. 864 с.

**LEXICO-SEMANTIC FOUNDATIONS FOR CONCEPTUALIZATION OF THE NOTION “ЧУЖОЙ (OUTSIDER)”  
IN THE RUSSIAN LINGUISTIC WORLDVIEW: DYNAMICS AND STATICS**

**Burdun Svetlana Vladimirovna**

*Krasnodar Air Force Institute for Pilots named after Hero of the Soviet Union A. K. Serov  
010670@bk.ru*

The article examines the notional basis of the concept “чужой (outsider)” in the historical, etymological and explanatory dictionaries of the Russian language. The study aims to analyse how the Russian native speakers’ notion about “outsider” changes from the XV to the XXI century. By the material of I. I. Sreznevsky’s dictionary, V. I. Dahl’s “Explanatory Dictionary of the Living Great Russian Language”, A. N. Tikhonov’s “Word Formative Dictionary of the Russian Language” and explanatory dictionaries of the XX-XXI centuries the author examines the process of narrowing the semantics of the analysed word and representation of this process in the Russian linguistic worldview. The findings indicate that many lexical units with the root *-чуж-*, which were actively used in the XV-XVIII centuries, nowadays have lost their relevance.

*Key words and phrases:* lexeme; concept; Russian linguistic worldview; lexicographical sources; lexico-semantic variant; word-formative cluster; derivatives.

УДК 811.161.1

Дата поступления рукописи: 11.01.2019

<https://doi.org/10.30853/filnauki.2019.3.40>

*Статья посвящена роли частицы «бы» как элемента, участвующего в выражении одного из видов синтаксических отношений – противительных отношений. Описаны семантика противительных отношений и средства их выражения. Систематизированы и проанализированы факты употребления частицы «бы» в предложениях с противительными отношениями, выраженными союзом «но». Материал собран из Национального корпуса русского языка. В результате проведённого анализа выяснено, что частица «бы» активно участвует в конструкциях с семантикой несоответствия, в противительно-уступительных конструкциях и противительно-выделительных конструкциях.*

*Ключевые слова и фразы:* частица «бы»; противительные отношения; союз «но»; модальные значения; конструкция с семантикой несоответствия; противительно-уступительная конструкция; противительно-выделительная конструкция.

**Ван Жучжэнь**

*Дальневосточный федеральный университет, г. Владивосток  
1657172227@list.ru*

**ЧАСТИЦА «БЫ» В ПРЕДЛОЖЕНИЯХ С ПРОТИВИТЕЛЬНЫМИ ОТНОШЕНИЯМИ,  
ВЫРАЖЕННЫМИ СОЮЗОМ «НО»**

В русском языке частица «бы» относится к разряду формообразующих частиц. Она считается показателем сослагательного наклонения и участвует в выражении разных модальных значений, в том числе: гипотетичности,